

Мордовцев Даниил Лукич

**Железом и кровью. Роман из
истории завоевания Кавказа
при Ермолове**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Железом и кровью. Роман из истории завоевания Кавказа при Ермолове /
Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 478 с.

ISBN 978-5-519-97417-2

ISBN 978-5-519-97417-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Женскіе локоны.

Въ половинѣ декабря 1819 года, раннимъ утромъ, горною тропой, въ сторонѣ отъ небольшой крѣпости Чирахъ, въ восточномъ Дагестанѣ, осторожно пробирались два всадника, задрапированные бурками.

Вѣтеръ глухо стоналъ въ вершинахъ оголенныхъ отъ листьевъ столѣтнихъ чинаръ, заглушая тихій гортанный говоръ неизвѣстныхъ всадниковъ, которые зорко смотрѣли по сторонамъ изъ-подъ бѣлыхъ папахъ своими хищными восточными глазами. Влѣво отъ нихъ, между стволами чинаръ, мелькала иногда острая игла минарета. Впереди, сквозь клубившійся утренній туманъ, сверкали снѣжныя вершины хребта, чуть-чуть позлащаемыя первыми лучами восходящаго солнца. Гонимые южнымъ вѣтромъ, со снѣжнаго хребта срывались розоватыя ключья облаковъ и неслись на сѣверъ. Миновавъ благополучно укрѣпле-

ніе, мимо котораго неизвѣстные всадники пробирались, повидимому, тайно, они не замѣтили, что за ними наблюдаютъ. Вправо, съ полугоры, поросшей лѣсомъ, изъ-за густыхъ кустовъ кизиля и орѣшника, на нихъ подозрительно смотрѣли четыре царя глазъ.

— Тише, братцы, не ворохнись,—шопотомъ проговорилъ одинъ изъ наблюдавшихъ:—это, кажись, кумухи.

— Да кумухи и есть, дядя,—подтвердилъ другой шопотъ:—сурхаевцы.

— Самъ вижу; да я ихъ и въ лицо знаю—я ихъ въ самомъ Кумухѣ видалъ неоднократно:—это, сказать бы, любимѣйшіе нукеры самого злодѣя нашего, Сурхай-хана. Куда бы имъ такую рань? Отъ Кумухи-то сюды верстъ, поди, сорокъ будетъ.

— Какъ не быть—будетъ: ночью, стало быть, выѣхали.

— Дѣло не ладно, братцы; надо ихъ перехватить.

Всѣ четверо наблюдавшихъ за всадниками стали осторожно спускаться къ тропѣ. Но ихъ выдали камни, обрушившіеся изъ-подъ погъ. Всадники встрепенулись, и тотчасъ же въ рукахъ ихъ блеснули пистолеты.

— Стой!—закричалъ передній изъ наблюдавшихъ.

Но не успѣлъ онъ повторить окрика, какъ разомъ раздались два выстрѣла.

— А, вы такъ то!—нна-жевамъ!—Послѣдовалъ третій выстрѣлъ уже со стороны окликавшихъ, и пуля влѣпилась прямо въ ухо лошади второго всадника. Лошадь поднялась было на дыбы и тотчасъ же грохнулась на землю.

— Держи ихъ! Лови злодѣевъ.

Но первый всадникъ ускакалъ подобно вихрю, а второй бился въ стремянахъ, освобождаясь изъ-подъ упавшей лошади.

— Держи, держи!—Но освободившійся изъ-подъ лошади горецъ прыгнулъ въ сторону, подобно раненой лани, и моментально исчезъ въ пропасти, зіявшей влѣво отъ лѣсной тропы.

— Ахъ ты, дьяволъ!—невольно воскликнулъ одинъ изъ побѣдителей, ударивъ объ полы руками:—да онъ тамъ, поди, въ дребезги расшибся.

— Небось, не расшибется:—они, что кошки—живучи аспиды; а тамъ его, шайтана, и собаки не пымають,—пояснилъ другой изъ побѣдителей.

Побѣдители—это были четыре солдатики, посланные на зарѣ изъ Чирахскаго укрѣпленія въ лѣсъ за валежникомъ для варки каши.

Они-то случайно и замѣтили таинственныхъ всадниковъ.

— Бѣдная лошадка!—сказалъ одинъ изъ салдати́ковъ, нагибаясь надъ мертвымъ ко́немъ.—Угодилъ прямо въ ухо; а вить я цѣлилъ въ его, подлеца, а лошадка взмахнула головой,—оно и тово.

Убитый конь былъ прекрасной породы—изъ Карабага. На немъ было богатое сѣдло съ расшитымъ шелками и золотомъ чепракомъ, а уздечка—наборнаго серебра подъ чернью.

— Да и сѣдло же, братцы, богатое:—хоть бы подъ самого Ермолова Алексѣй Петровича,—удивлялись солдатики.

— А уздечка-то! а чумбуръ! а стремяна!—одно слово.

— А что у его въ сумахъ?

— Да поди—чуреки, а то и овесь.

Солдатики говорили о переметныхъ суммахъ, перекинутыхъ черезъ крупъ лошади. Сумки были ярко-полосатыя, украшенныя не то шолковою вязью, не то стихомъ изъ корана.

Побѣдители сняли съ мертвой лошади уздечку и сѣдло, а потомъ отвязали переметныя сумы. Открывъ одну изъ нихъ, они нашли въ ней не чуреки и не овесь, а небольшую изящ-

ную шкатулку съ тонкой рѣзьбой и инкрустаціями. Окована она была серебромъ тонкой чеканки.

— Э! да какая, братцы, важная укладочка,—дивились побѣдители:—тутъ, поди, деньги.

— Да она заперта, а ключа нѣтъ:—съ собой, дьяволъ, унесъ.

— Нѣтъ,—замѣтилъ старый солдатъ, котораго называли «дядей»:—я вотъ эдакую жъ шкатунку новѣе добылъ въ аулѣ Ашти, такъ я знаю, какъ она отмыкается. Дай-ка шкатунку сюда.

Ему подали. Онъ повернулъ ее, и въ нижней доскѣ, у одного края, оказалось нѣчто въ родѣ серебрянаго клапана съ пуговкой. «Дядя» тронулъ пуговку, клапанъ сдвинулся съ мѣста, и въ отверстіи подъ нимъ оказался маленькій серебряный ключикъ, которымъ «дядя» и отперъ шкатулку.

— Вотъ и вся недолга, --съ напускной холодностью сказалъ онъ.—Посмотримъ, что въ ей.

Шкатулка открылась. То, что въ ней находилось, прикрито было зеленой тафтой. «Дядя» поднялъ тафту, и всѣхъ поразило удивленіемъ содержимое шкатулки. Въ ней на шолковой, тоже зеленаго цвѣта, подкладкѣ были рядомъ уложены небольшіе серебряные

ящички, въ родѣ табакерокъ, очень тонкой и изящной работы. Всѣхъ ящичковъ было около десяти. У иныхъ въ серебряныя подѣ черную крышечки вкраплены были крупныя зерна бирюзы, а одна осыпана жемчугомъ.

— Табакерки!—вырвалось у одного изъ солдатиковъ.

«Дядя» осторожно взялъ одинъ изъ ящичковъ и открылъ.—«Волосы»! изумился онъ.

Дѣйствительно, въ изящномъ ящичкѣ лежалъ локонъ черныхъ блестящихъ волосъ, повидимому, изъ женской косы, свернутый колечкомъ.

— И впрямь волосы!—съ неменьшимъ изумленіемъ согласились прочіе солдатики.—Къ чему бы онъ?

— Не трошь, дядя:—можетъ оно заколдовано. А загляни въ другую.

«Дядя» открылъ другую коробочку. И тамъ волосы — прядь шелковистыхъ, золотистаго цвѣта, волосъ, изящно перевитая голубой ленточкой.

— Что за песь!—не вытерпѣлъ даже дошлый, всезнающій «дядя».—Все волосы.

— Да рыженьки—ишь шельма!—не вытерпѣлъ и молодой солдатикъ.

Еще открыли коробочку, ту, что съ бирюзой. И тамъ локонъ—черный, блестящій,

перевитый мелкою ниткой бирюзы, точно змѣйка.

Изумленіе побѣдителей дошло до крайней степени. Открыли, наконецъ, самую изящную коробочку, что съ жемчугами. И въ ней локонъ, только сѣдой, серебристый, перевитый ниткою мелкихъ, серебристыхъ же жемчужинъ.

— Ахъ ты, старая чертовка!—невольно выругался «дядя»:—и она туда же.

Всѣ разсмѣялись. Но, тѣмъ не менѣе, изумленію ихъ не было конца.—«Вотъ загвоздка»!—«Да, поди—раскуси».

Перебрали всѣ коробочки—и тамъ все локоны.—«Хорошъ, чай».—«Вотъ те и чурекки!—вотъ те и овесъ»!—«А кто жъ его, аспида, зналъ».

— Надо показать начальству, — рѣшилъ «дядя»:—можетъ, оно и тово...

— Знамо—они грамотные.—А что въ другой сумѣ, дядя?—Неужто и тамъ волосы?

Развязали и другую суму. Тамъ оказались, дѣйствительно, чурекки, каленныя яйца, жареное просо и вяленая баранина съ нѣсколькими головками чесноку.

— Вотъ это намъ на-руку!—обрадовались побѣдители.—Есть чѣмъ червячка заморить.

— И то правда,—согласился «дядя»:—это наша военная контрибуція.

Побѣдители тутъ же усѣлись, раздѣлили поровну добычу и, перекрестившись на востокъ, стали трапезовать.

Солнце, между тѣмъ, уже выплыло изъ-за снѣжныхъ вершинъ хребта, и клубившіеся въ ущельяхъ и въ глубокихъ низинахъ туманы стали таять въ воздухѣ; но южный вѣтеръ продолжалъ стонать въ оголенныхъ верхушкахъ столѣтнихъ чинаръ и гнать разрозненные облака на сѣверъ.

— Да и знатно же калены яйца,—похваливалъ «дядя», уминая яйцо за яйцомъ,—до самого желтка прокалены. Хотя бы самому отцу-командѣру, и то бы всласть.

— Это Ермолову-то, дядя?

— Знамо — батюшкѣ Лексѣй Петровичу. Ужъ и грозѣнъ же!

— Да гдѣ-то онъ теперь и кого громить?

— Да слышно—пошелъ на акушинцевъ да мехтулинцевъ; достанется, поди, акушамъ, да и весь Дагестанъ теперь, слышь, дрожмя дрожить.

— А Мадатовъ, князь, съ имъ?

— Сказывали, бытто съ имъ:—тоже ерой, хоша и изъ татаръ.

— Неужто изъ татаръ, дядя?

— Изъ татаръ, точно,—изъ Карабага, а крещенъ, кажись, по нашей вѣрѣ.

Побѣдители, наконецъ, позавтракали; встали, перекрестились, спрятали въ кусты свои трофеи и принялись снова собирать валежникъ.

— Безпремѣнно Сурхай-ханъ что нибудь недоброе задумалъ,—заговорилъ «дядя», какъ бы отвѣчая на собственную мысль:—къ чему бы ему посылать своихъ нукеровъ воровскимъ манеромъ, да ишшо съ этими волосами, прости Господи.

— А може, дядя, кому въ подарокъ,—замѣтилъ одинъ изъ солдатиковъ.

— Въ подарокъ! Да на кой песь кому нужны бабы волосы?

— Да еще старушечьи,—засмѣялся другой солдатикъ:—только коробочки опоганили.

— А, можетъ, у ихъ такой законъ?

— Законъ! Да къ чему оно? Срамъ одинъ!

Наконецъ, валежникъ былъ набранъ, и четыре огромныхъ вязанки снесены на тропу, гдѣ продолжала лежать мертвая лошадь.

— Что жъ ей тутъ валяться?—замѣтилъ кто-то:—спихнемъ ее съ кручи—не мѣшала бъ.

— Спихнемъ? какой пряткій!—проворчалъ «дядя»:—чтобъ шкура даромъ пропала:—шкура всегда пригодится.

— И вправду, дядя,—согласились другіе:—шкура нашему брату находка: подметки ль

подметать, ремней ли нарѣзать—на все шкура годится.

Снявъ шкуру съ убитой лошади и столкнувъ ее въ пропасть, побѣдители навьючили себя вязанками сушника и военными трофеями и двинулись къ укрѣпленію. Скоро показались сѣрыя стѣны небольшого редута Чирахъ, скромная мечеть съ высокимъ минаретомъ и скромныя сакли аула, надъ которыми вился голубой дымокъ, разгоняемый вѣтромъ. Въ утреннемъ воздухѣ, гдѣ-то высоко, перекликались орлы, а надъ минаретомъ кружили вороны и каркалы, словно бы передъ дождемъ.

Скоро показалась казарма—низенькое, продолговатое зданіе пслазгійской, кладки, съ узенькими оконцами. Солдатики, увидавъ нашихъ побѣдителей, впереди которыхъ шелъ общій казарменный менторъ—«дядя», кромѣ вязанки сушника, завѣшанный и переметными сумами,—высыпали имъ навстрѣчу, сгорая любопытствомъ.

— Эй, дядя Назарычъ! что у тебя за сумы такія?—послышались голоса.—Али побираться ходили въ кусочки?

— А шкуру гдѣ добыли, братцы? Дохлую лошадь, что ли, нашли?

— А въ сумахъ что, дядя?